

Три человека спокойно сидели в комнате Мэй Цзи в полной тишине, так и не проронив ни слова.

Вскоре раздалось звяканье железной цепи, которое становилось ближе. Жун Ху, лично сопровождая третью принцессу и Бо Лина, вошёл в комнату, при этом парочка уже была закована в кандалы.

За то, что Бо Лин некогда похитил Фэн Мина и позволил ему попасть в руки Жо Яня, Жун Ху, конечно же, не мог с ним церемониться и полностью заковал четвёртого принца. А с третьей принцессой, из-за госпожи Мэй Цзи, можно сказать, «хорошо обошёлся» — заковал лишь руки.

Жун Тянь величественно [1] сидел по центру, с левой и правой сторон ему составляли компанию побледневшая Мэй Цзи и пребывающий в смятении и тревоге Фэн Мин. Сам же император Силэй, сидящий между ними, наоборот, был крайне спокоен. Увидев Бо Лина и третью принцессу, которых охранник бесцеремонно толкнул вперёд, император Силэй блёкло спросил:

— Кто последним помещал в короб голову Цин Дина?

Бо Лин думал, что Жун Тянь хочет расспросить про мать Фэн Мина, однако, услышав вопрос Его Величества, озадаченно взглянул на мужчину.

Крайне открытый, четвёртый принц откровенно сказал:

— Человеческая голова легко может разложиться, мы не были уверены, что сможем сразу встретиться с императором Силэй, поэтому прежде всего, взяв голову, попросили мастера обработать её. Последним, кто помещал голову в короб, был тот самый мастер.

Скрупулёзная третья принцесса, посмотрев на плохо выглядящую Мэй Цзи, спросила:

— Что-то не так с головой Цин Дина?

Фэн Мин, по-прежнему не знавший, что это за красное пятно на руке Жун Тяня, понимал: события определённо примут дурной оборот. Чем больше молчал Жун Тянь, тем тревожнее становилось, и наконец князь, не выдержав, проговорил:

— Этот короб... — мысли завертелись, и промелькнувшая искра словно немного озарила разум.

Подняв голову, Фэн Мин встретился со взглядом Жун Тяня.

— Не давай воли своим чувствам, — слегка улыбнулся молодой мужчина, после чего перевёл взгляд на находящегося перед ним Бо Лина и, равнодушно глядя, вскользь спросил:

— Тот мастер, у которого получилось придать «живость» голове и о котором вы говорите, на самом деле госпожа Яое?

Князь впервые слышал это имя, однако Бо Лин и третья принцесса сильно поменялись в лице и, вздрогнув всем телом, в ужасе подняли взгляд и уставились на Жун Тяня, похоже, что он неожиданно раскрыл их тайный козырь.

Император Силэй вновь спросил:

— Госпожа Яое — родная мать Фэн Мина?

На этот раз даже князь вдруг вздрогнул.

Вот только Мэй Цзи, похоже, давно обо всём догадалась и с горечью и крайней разочарованностью посмотрела на Фань Чжи.

Ненадолго оцепенев, Бо Лин медленно убрал испуганное выражение с лица и тихо вздохнул:

— Император Силэй действительно потрясающий, не думал, что всё-таки угадаете.

Мрачная Фань Чжи шёпотом спросила:

— Не понимаю, как император Силэй смог угадать?

На что сам молодой мужчина ответил, невольно горько усмехнувшись:

— Всё ещё сомневаетесь? — Он поднял ладони, где красовалось ужасное тёмно-красное пятно.

Подняв взгляд и присмотревшись, третья принцесса тотчас же изумилась, вскрикнув:

— «Кровь возлюбленных»?

— «Кровь возлюбленных»? Что это ещё за «кровь возлюбленных»? — резко подпрыгнул Фэн Мин и от волнения покрылся холодным потом. — Вы... вы зачем подсыпали яд?

— Подсыпали яд? — Бо Лин и Фань Чжи также, как и они, были удивлены, застыв на короткое время и внезапно покрывшись холодным от испуга потом, поспешно закачали головами: — Князь Мин неправильно всё понял, мы не подсыпали никакого яда, совсем, а этот короб, он...

Принц посмотрел на красное пятно на ладони императора Силэй и неожиданно прекратил

оправдываться.

«Кровь возлюбленных» госпожи Яое славилась по всей Поднебесной, и каждый знал симптомы отравления. Эта женщина была известна как нелюдимая и бессердечная, более того, не водила дружбы с Бо Лином, так почему же сейчас она внезапно и в то же время добродушно решила помочь им «забальзамиривать» голову Цин Дина, помогла сбежать из Ханьгуй и доставить их в Юньинь? Неужели её целью оказалось использовать их, чтобы коварно отравить Жун Тяня?

Или Фэн Мина?

Чем дальше Бо Лин думал, тем больше понимал, что такой «расклад» вполне возможен, если так оно и есть, то он, четвёртый принц, и третья принцесса, выходит, стали теми, кого можно легко пустить на гибель?

— Что это за «кровь возлюбленных»? Каким образом она отравляет? — увидев, что все крайне напуганы, князь ещё больше обеспокоился.

Увидев его испуганный вид, Жун Тянь, наоборот, нашёл это крайне забавным и, улыбнувшись, проговорил:

— Не нужно беспокоиться, этот яд не смертелен, вот только не ожидал, что это дело, оказывается, связано с госпожой Яое... — Задумавшись на миг, молодой мужчина приказал Жун Ху: — Сними кандалы.

Дело резко изменилось, Жун Тянь, по-прежнему сохраняя спокойствие, указал на противоположную сторону стола:

— Садитесь, позвольте перед тем, как ситуация изменится в худшую сторону, решить это дело.

Третья принцесса и Бо Лин, увидев, что государь хоть и заразился сильнодействующим ядом, однако всё равно не терял самообладания [2], в душе всё же восхитились им и, прижимаясь друг к другу плечами, осторожно сели за столик.

Стоило Фэн Мину услышать «перед тем, как ситуация изменится в худшую сторону», как его сердце внезапно пропустило удар, а нервы словно что-то безжалостно разорвало, однако, вспомнив слова Жун Тяня «не давай воли своим чувствам», князю пришлось мучительно сдержаться и спокойно со стороны наблюдать за развитием событий.

Эта толпа, состоящая из больше враждебно настроенных, чем дружелюбных людей, села вокруг стола.

С холодным, словно остриё иглы, взглядом Мэй Цзи всё же разжала до этого плотно сомкнутые губы и начала:

— Третья принцесса, прошу Вас, объясните, как обстоит дело.

Именно она привела благородную парочку к Фэн Мину, устроив им встречу, без её помощи Бо Лину с Фань Чжи было бы не так просто пробраться в строго охраняемый лагерь.

Если это действительно заговор против Жун Тяня, то разве она тоже не причастна к отравлению императора Силэй? Мэй Цзи, подумав, что Фань Чжи, являясь членом царствующего дома Фаньцзя, воспользовалась её сочувствием, ощутила, как грудь переполняет хаос чувств, и горечь едким комом сдавила горло.

Если выбирать между Бо Лином и третьей принцессой, то Бо Лин оставлял впечатление человека крайне лживого. Потому словам третьей принцессы всё же было больше доверия.

Фэн Мин и Жун Тянь молча уставились на них.

Стоящий рядом с ними Жун Ху не выпускал меч из рук и хищно смотрел, словно тигр, к тому же неизвестно, сколько снаружи было спрятано отборных солдат даже на небольшом клочке земли.

Третья принцесса и Бо Лин обменялись взглядами.

Сейчас если они не пожелают сотрудничать, то их ждёт только смерть.

— Не ожидала, что дело так изменится... — дрожащими губами, в которых не было ни кровинки, проговорила женщина, предаваясь воспоминаниям. — Мы, проникнув в Ханьгуй, рассчитывали убить Мяо Гуан, а в результате она сбежала, Цин Дин оказался лишь козлом отпущения, которому попутно отрубили голову.

Третья принцесса слегка склонила изящную шею, после чего подняла взгляд и с мрачной улыбкой уставилась на Жун Тяня:

— Как догадывается государь, нам уже некуда бежать. Принцесса Ли Мяо Гуан, император Фаньцзя Лун Тянь, даже на родине Бо Лина Боцзянь все хотят забрать наши жизни и сейчас вдобавок государство Тун, утратившее своего государя. Мир хоть и большой, однако двум людям в нём нет убежища.

При воспоминании, что она является дочерью императора Фаньцзя, которая с самого детства купалась в любви, а сейчас неожиданно опустилась до такого ничтожного положения, на женщину нахлынула печаль, и принцесса задохнулась от слёз.

Бо Лин с мягкостью сказал пару слов, утешая её, но, заметив, что Фань Чжи заливается слезами, теряя над собой контроль, вздохнул и продолжил:

— Как раз когда мы не смогли осуществить ни один из планов, внезапно появилась госпожа Яое. Эта женщина славится своей жестокостью, в обычное время мы бы не осмелились с ней встречаться. Однако, когда преследующие войска Боцзянь и Ли шаг за шагом настигали, какой у нас ещё был выход? Кто бы мог подумать, что госпожа Яое, которая нам не друг, но и не враг, станет помогать нам. Она не только помогла скрыться от преследующих войск, хорошо обработала голову Цин Дина, но и подсказала нам один выход, который наверняка мог сработать.

Конечно же, выход, о котором говорила госпожа Яое, был в том, чтобы взять голову Цин Дина и встретиться с Фэн Мином, через которого они добились бы помощи господина Сяо.

— Пф! С самого начала следовало догадаться, что у неё дурные намерения.

— Госпожа Яое сказала, что является матерью князя Мина, а сам господин Сяо — его отцом. Стоит только князю Мину обратиться к нему с просьбой, и господин Сяо наверняка согласится убить Лун Тяня.

Бо Лин огорчился.

Лишь сейчас ясно осознал, что он и третья принцесса оказались в дураках, которыми манипулировали.

К тому же они оказались глупцами, что добровольно пошли на смерть.

На лице Мэй Цзи застыло горестное выражение, испытывая стыд, женщина до сих пор не осмелилась повернуть голову и посмотреть на Жун Тяня, и, сейчас хмурия брови, недоверчиво спросила:

— Князь Мин неожиданно оказался сыном учителя Сяо и госпожи Яое? Это действительно уму непостижимо.

Горько усмехаясь, третья принцесса проговорила:

— Если бы кто-нибудь другой это сказал, мы, конечно же, так легко не поверили бы. Однако госпожа Яое отнеслась к нам с великой милостью, хоть и сльвёт своей жестокостью и дурной славой, но всё же она не глупая женщина, чтобы без раздумья нести подобный вздор.

— Князь Мин, который с детства играл роль наследного принца, живя во дворце Силэй, не является сыном старого князя Жуна?

— Неужели... старый князь Жун взял простого младенца, который на самом деле оказался кровью и плотью госпожи Яое и учителя Сяо?

В груди застучало, а сам князь вспомнил умершего генерала Дунфань Цан Яня, который как-то говорил ему: «Стал бы старый князь своего единственного и родного сына ставить в опасное положение?».

Принести в императорской дворец, где в любое время могли тайно убить маленького «наследного принца», так какая тогда разница между ним и козлом отпущения?

Неужели Фэн Мин, являясь предшественником несчастного Ань Хэ, был беспризорным ребёнком, которого подобрал на улице старый князь Жун?

Пребывая в растерянности, князь взглянул на Жун Тяня, который, в свою очередь, посмотрел на него. Двое мужчин встретились взглядами, ясно понимая, что догадка Мэй Цзи имеет место быть.

Плачущая до этого третья принцесса уже немного успокоилась и, покачав головой, сказала:

— Как это возможно? Кто настолько храбр, чтобы с лёгкостью забрать у таких людей, как госпожа Яое и господин Сяо, ребёнка и, принеся во дворец Силэй, передать в руки старого князя Жуна?

Оскорбить двух злых духов страшнее, чем оскорбить одного.

Вызвав недовольство одного из них, можно умереть без места погребения [3].

Во всём мире не найдётся настолько невежественного глупца.

Даже если и так, кто настолько низок, чтобы отнять родного ребёнка у госпожи Яое и учителя Сяо?

Взгляды нескольких людей невольно и в то же время странно обратились на Фэн Мина.

Охваченный беспокойством князь, не сдержавшись, разлился потоком слов:

— Прежде всего не нужно интересоваться, кто является моими родителями, сейчас самое главное — как вывести яд, что на руке Жун Тяня.

Кроме императора Силэй, Бо Лин посчитал, что лучше бы вернуть самообладание, и обратился к князю, поясняя:

— Князь Мин, «кровь возлюбленных» — особенный яд, только госпожа Яое может им отравить, и лишь она может дать противоядие. Чтобы вывести яд, прежде всего нужно понять, с каким

умыслом она подсыпала его, а поняв, найдём, как вылечить императора Силэй, только так будет правильнее.

Жун Тянь также проговорил:

— Уж не хотите ли сказать: знай противника и знай себя — будешь непобедим?

Обеспокоенный своей жизнью Фэн Мин — редкое зрелище, однако Жун Тянь казался непринуждённо спокойным, вызывая у князя злость до скрежета зубов.

Подумав немного, Мэй Цзи всё же покачала головой:

— Я всё же не верю, что госпожа Яое — мать князя Мина.

Фэн Мин, вспомнив про яд в коробе, тотчас же похолодел от ужаса и ещё сильнее стал отрицать:

— Как она может быть моей матерью? Она смазала ядом короб, она... — князь, похоже, о чём-то вспомнил, отчего внезапно вздрогнул, словно резко просыпаясь. — Она приказала Бо Лину вручить голову Цин Дина мне, изначально планируя...

— Планируя отравить тебя, а в результате попала в другую цель по ошибке. — Понимая, что Фэн Мин беспокоится за него, Жун Тянь в душе растрогался и шёпотом утешил: — Даже яд маньшэ мы смогли вывести, а что уже говорить о ничтожной «крови возлюбленных»? Этот яд в сравнении с маньшэ менее опасен.

Жун Тянь намеревался успокоить юношу, но никак не ожидал, что получится с точностью наоборот. Князь вспомнил, как в те годы Жо Янь навредил ему, отравив ядом маньшэ и позволив испытать множество невзгод. Так неужели подобный яд теперь течёт в крови Жун Тяня? Немедленно лицо изменилось, став ещё ужаснее.

Зная детально ситуацию, Бо Лин проговорил:

— После того как госпожа Яое поместила голову в короб, она много раз повторяла, чтобы мы не открывали его, иначе в него попадёт влага и голова может разложиться раньше, чем попадёт в руки князю Мину.

На что император Силэй басисто и с холодной усмешкой вернул:

— Она к вам проявила крайнюю заботу, больше всего боясь, что вы откроете короб и случайно отравитесь.

Бо Лину стало неловко:

— Она лишь беспокоилась, что яд отравит не того, кого нужно, не более.

Его и третью принцессу всё равно ждал трагический финал после потери почётного положения императорского рода, без солдат, но с множеством врагов повсюду: Ли, Фаньцзя, Боцзянь и Тун, которые все по той или иной причине хотят их смерти.

Если это дело не решится миром и не удастся вывести яд из тела Жун Тяня, то к списку врагов добавится ещё и могущественный Силэй.

В таком случае Бо Лину вместе с третьей принцессой бесполезно куда-то бежать, лучше всего покончить жизнь самоубийством.

— Зачем госпоже Яое вредить князю Мину?

— Если госпожа Яое является матерью князя Мина, то ни в коем случае не отравила бы родного сына.

— Но зачем госпоже лгать, что она мать князя?

— Госпожу Яое никогда не интересовала политика, зачем же ей отравлять императора Силэй?

— Неужели госпожу кто-то попросил избавиться от императора Силэй? Человек какой страны стоит за этим?

— Если госпожу действительно кто-то попросил, тогда этот человек наверняка является врагом императору Силэй и князю Мину.

На что Мэй Цзи задумчиво спросила:

— Кто обрадуется, если князя Мина или императора Силэй настигнет беда? — Спросив это, женщина только тогда поняла, что вопрос крайне глупый.

Если бы с Фэн Мином или Жун Тянем случилась беда, то, вероятно, кроме самого Силэй, императоры и знать других одиннадцати государств так обрадовались бы, что даже устроили трёхдневный банкет.

Только что сдавшийся в плен Силэй Дунфань в таком случае может вновь продемонстрировать весьма занимательную сцену борьбы за власть. Нынешняя обстановка, царящая в двенадцати государствах [4], была крайне непредсказуемой и вызывала лишь головную боль.

Заметив, как они беседуют, уверенно и с полным основанием, князь тотчас же сильно встревожился, а душу будто пламенем обожгло. Только сейчас он понял, что такой свободный император, как Жун Тянь, действительно большая редкость, подражать которому навряд ли получится, даже если очень захотеть.

Послушав немного беседу как Бо Лина, так и остальных, включая императора Силэй, юноша начал терять терпение, и пока другие выясняли причину отравления госпожой Яое, Фэн Мин, скрипя от ненависти зубами, проронил:

— Убийство убийством и отравление отравлением — всегда нужна причина. А без каких-либо слов говорить, что есть какая-то цель, как угадаем? Если сохранилась какая-то записка, это уже хорошо!

Стоило князю пробурчать, как он заметил в комнате воцарившуюся тишину, а каждый из присутствующих, внезапно что-то осознав, посмотрел на него.

На что Фэн Мин с изумлением спросил:

— В чём дело?

Бо Лин мягко «выплюнул» одно слово:

— Короб...

Жун Тянь вытянулся, поднялся с места и, склонившись над столом, взял узорчатый короб с головой Цин Дина — во всяком случае, молодой мужчина уже отравился и не боялся того яда, что был нанесён на короб, затем открыл крышку и, ухватив похожие на сено волосы, вытащил голову Цин Дина.

— А?

На дне на самом деле, придавленная головой, лежала шёлковая тонкая записка.

Неизвестно, чем ещё была пропитана эта записка, ведь лёжа под высохшей шеей, всё же несколько не замаралась, сохранив свою белизну.

Взяв записку двумя пальцами, император Силэй вынул её, однако кто бы мог подумать, что от неё ещё будет исходить слабый и в то же время тонкий аромат. Как только увидев содержание, даже серьёзный Жун Тянь невольно выдохнул: «Ха!».

— Что там написано? — Фэн Мин подошёл первым.

Молодой мужчина горько улыбнулся: «Посмотри» — и, держа записку, протянул князю, который всё это время старался через плечо Жун Тяня разглядеть её.

Фэн Мин опустил голову посмотреть, но прочитав, от изумления застыл, вытаращив глаза [5].

На белом шёлке было написано несколько слов:

«Сяо Цзун, хочешь спасти своего сына, тогда тотчас же женись на мне. Если ты не считаешь его своим сыном, то я тоже не считаю его своим».

Она не была подписана, но и без этого было понятно, что записку написала госпожа Яое.

Действительно, это было самое восхитительное принуждение к браку во все времена.

Тонкий шёлк скользил по столу, кочуя из рук в руки, приводя читающих в одинаковое изумление своим содержанием.

Даже Бо Лин в недоумении покачал головой:

— Прославленная своей чёрствостью госпожа Яое неожиданно дошла до такого состояния...

Какая мать в мире осмелится отравить собственного сына, вынуждая его отца жениться на себе?

— Князь Мин действительно является сыном госпожи Яое?

Мэй Цзи со вздохом проговорила:

— Хотите выяснить такой непростой вопрос? Есть лишь один человек, знающий ответ.

Этот человек — живущий в Юнъинь первый мастер меча в Поднебесной Сяо Цзун — неужели не знает, кто та женщина, родившая ему сына?

Примечания:

[1] В оригинале фраза звучит как «могучий конь и золотой меч», обр.: величественно, с гордым видом.

[2] В оригинале фраза звучит как «непринуждённо говорить и смеяться», обр.: не терять самообладания.

[3] Обр.: умереть жалкой смертью, плохо кончить.

[4] Как мы понимаем, сюда, помимо основных одиннадцати государств, добавили и двенадцатую страну, которая отделяется от остальных морем, именно то государство, где властью правит отец пирата Хэ Ди.

[5] Полная фраза звучит как «вытаращить глаза и привязать язык», обр. в знач.: опешить, остолбенеть, онеметь, лишиться дара речи.

<http://bllate.org/book/13377/1190172>